
Денис Старый
Завет Петра 12
Царьград

Денис Старый

Завет Петра 12. Царьград

https://litres.ru/74748992
SelfPub; 2026

Аннотация

Я очутился в прошлом — в теле умирающего государя. Ещё вчера я проводил аудит крупных компаний, а сегодня получил страну, которая пожирает сама себя. Вокруг — казнокрады, интриганы и те, кто мечтает изжить правителя со свету.

Но я выживу, сломаю старые порядки, проведу реформы и построю сильную империю. Ведь теперь я — Пётр Первый.

Вот только сначала нужно не дать себя добить.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 20
Глава 3 37
Глава 4 50
Глава 5 63
Глава 6 81
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Денис Старый
Завет Петра 12. Царьград

Глава 1

Петербург
13 ноября 1726 года

Химическая лаборатория Императорской Академии, расположившаяся в новом крыле на Васильевском острове, не имела аналогов в мире. Это была не темная алхимическая пещера, пропахшая серой и мистикой, а храм зарождающейся точной науки.

То, сколько потребовалось денег для того, чтобы ее создать... Линкор! Целый линейный корабль можно было бы построить. Но только может ли один корабль, пусть бы и лучший в мире, сравниться с тем, на что способна наука химия, если она только будет продвигаться нужными людьми.

Высокие сводчатые окна заливали светом длинные столы из мореного дуба, покрытые для стойкости свинцовыми листами. Здесь не было пыльных фолиантов с заклинаниями. Вместо них — идеальная чистота и строгая система. Под потолком тянулись невиданные для Европы жестяные короба принудительной вытяжки, проект которых набросал лично

Император. На столах блестело венецианское и богемское стекло: реторты, колбы, змеевики охлаждения. В стеклянных шкафах покоились точнейшие аналитические весы, способные уловить вес пылинки, и тигли из платины — металла, который по указу государя начали тайно добывать на Урале. Термометры, микроскопы, стетоскопы, манометры...

И нет жабьих ножек, сушенных змей. Все же время алхимии уходит, а наука химия занимает свое достойное место среди прочих.

В этот день в лаборатории находились трое.

Граф Яков Вилимович Брюс, постаревший, но сохранивший острый, проницательный ум, сидел в кресле, опираясь подбородком на трость. Он выступал здесь оком государевым и главным куратором. Смотрел, а если уж быть честным, то чаще спал в стуле, когда творилось волшебство... наука.

Над столом колдовал Иоганн Конрад Диппель — доктор медицины, химик, человек скандальный, изгнанный из половины стран Европы, но выкупленный русским Императором за вес золота. Диппель в кожаном фартуке, с растрепанными седыми волосами, ворчал что-то на смеси латыни и немецкого, аккуратно перенося щипцами крошечный медный колпачок.

Он постоянно бурчал и адъюнкты, которые приходили к нему на учебу и стажировку прозвали профессора и академика Императорской Академии наук “Бур-бур”.

А рядом с ним, затаив дыхание, стоял рослый, широко-

плечий юноша лет пятнадцати. Русые волосы стянуты в простой хвост, глаза горят фанатичным огнем познания. Михайло Ломоносов, сын холмогорского рыбака, вырванный из безвестности специальным указом по поиску «отроков, к наукам зело склонных».

Ломоносов ходил к Диппелю после того, как отрабатывал на заводе. Нартов разрешал своему лучшему ученику постигать науки. Ну как Нартов... Он говорил, что разрешает, а ведь это была воля самого государя.

— Осторожнее, герр Диппель, — не выдержал юный Михайло, подаваясь вперед. — Кристаллы сухие. Вчера, когда влаги было больше, состав вел себя смирно. Но сейчас от малейшего трения может случиться конфузия.

— Не учи ученого, юноша! Иди свои конструкты собирай! Инженер... На кой черт ты мне тут сдался. Еще и на немецком несносно плохо говоришь, — огрызнулся Диппель, не отрывая взгляда от пинцета.

— Бур-бур! – огрызнулся Ломоносов.

— Что?

— Ничего, герр академик. Готов слушать брань вашу и дале, как угодно. Только не отлучайте от науки! Мы же уже рядом с открытием по государеву наказу.

— Мы? Несносный ломатель носов! Я! – сказал Диппель и горделиво подбоченился. – Я работал с едкими кислотами и ртутью, когда ты еще пешком под стол ходил. Флогистон в этом сером порошке спит крайне беспокойно. Император

поставил задачу: огонь должен рождаться не от искры кремня, а от удара. И мы это сделали.

Брюс глухо кашлянул.

— Вот и разбудили господина Брюса! – прошипел Диппель.

— Меньше слов, доктор Диппель, – тут же разразился показным гневом Брюс, который и не заметил, что более часа проспал. – Государь ждет результатов. Кремень в дожде и сырости дает осечки. Армия, чьи ружья будут стрелять в любой ливень, завоюет мир. Вы уверены в этом вашем... гремучем порошке?

— Я уверен в химии, граф, — гордо ответил немец. — Мы соединили то, что указал Его Величество в своих... м-м... весьма странных, но гениальных набросках. «Крепкая водка», винный спирт и живое серебро. Ох и намучились мы с очисткой! Но юный варвар, чья фамилия... ломатель носов, — Диппель кивнул на Ломоносова, — предложил пропустить газ через водяной затвор, что уберегло нас от отравления и взрыва.

Ломоносов просиял, но тут же нахмурился.

— Никакого флогистона там нет, господин Диппель. Я же показывал вам расчеты на весах! Масса не исчезает и не берется из ниоткуда. В этой соли просто заперта сила расширения воздуха, которая высвобождается от сжатия, – сказал Михайло.

— Ересь! — отмахнулся Диппель. — Но ересь, которая

почему-то работает.

Немец, наконец, установил крошечный медный стаканчик — капсюль — на специальную стальную наковальню. Внутри капсюля, запечатанная капелькой лака, таилась микроскопическая порция нового вещества — гремучей ртути.

Брюс подался вперед, забыв про больную спину. Это был момент истины. Недели расчетов, десятки лопнувших колб, пара легких ожогов и бессонные ночи. Если это сработает, мушкеты с их капризными замками, пороховыми полками и кремневыми камнями навсегда уйдут в прошлое.

Над наковальней был закреплен стальной боек на пружине — точная копия ружейного курка, только направленная вертикально вниз.

— Все наденьте стеклянные очки! — скомандовал Диппель. — Михайло, тяни за шнур, несносный ты ученик!

Ломоносов нацепил на нос тяжелые защитные консервы из толстого стекла, взялся за кожаный шнурок, взводящий пружину, и посмотрел на Брюса. Граф кивнул.

Юноша резко дернул шнур. Стальной курок сорвался с шептала. Он ударил по медному колпачку с невероятной скоростью.

— Хрясь!

Звук был таким резким, хлестким и оглушительным, что Брюс инстинктивно вжал голову в плечи. Это был не шипящий хлопок пороха, а сухой, режущий слух удар кнута. Ослепительная сине-желтая вспышка на долю секунды озарила

наковальню, и тут же к потолку взвилось плотное колечко сизого дыма. Медный колпачок развернуло розочкой, а на стальной плите осталось черное пятно гари.

В лаборатории повисла звенящая тишина. Было слышно лишь, как в трубах вытяжки гудит ветер.

— Святый Боже... — выдохнул Ломоносов, стягивая очки. Его лицо было бледным, но в глазах плясал абсолютный, чистый восторг. — Сработало! Без огня! Без искры! Один только удар!

Диппель рассмеялся — хрипло, безумно, как человек, только что ухвативший Бога за бороду.

— Мы сделали это, граф! — закричал он, размахивая пинцетом. — Химический огонь! Вы видели эту вспышку? Она прожжет любой заряд! Дайте мне закрытую трубку, дайте порох, и этот капсюль воспламенит его даже под водой!

Яков Брюс медленно поднялся. Он подошел к столу, снял перчатку и осторожно потрогал закопченную сталь наковальни. Металл был горячим. Старый полководец, видевший Нарву и Полтаву, смотрел на разорванный медный колпачок, но видел совершенно иное.

Он видел линии русской пехоты под проливным дождем. Видел, как враг в панике опускает свои бесполезные, отсыревшие кремневые ружья. А русские полки, оснащенные новыми замками с этими крошечными медными шапочками, дают слитный, сокрушительный залп, не обращая внимания на непогоду.

— Вы хоть понимаете, что вы натворили, господа? — тихо, с благоговением произнес Брюс. — Вы сегодня не просто смешали реактивы. Вы сегодня отменили половину правил войны.

— И это только начало, Яков Вилимович! — Ломоносов чуть ли не прыгал на месте от распирающей его энергии. — Если государь был прав в этом, значит, и его теория о сжатом паре верна! Дайте мне доступ к литейным печам Демидова, и я докажу, что...

— Тише, тише, неугомонный, — Брюс позволил себе скупую улыбку и положил руку на плечо юноши. — Всему свое время. Сначала — капсюль.

И что за слово-то такое? Кто придумал?

— Государь! – в унисон сказали Ломоносов и граф Брюс.

Граф повернулся к Диппелю.

— Доктор. Пишите отчет Императору. Немедленно. Формулу и технологию очистки зашифровать личным кодом государя. Михайло, прибери стол. С завтрашнего дня мы переходим к испытаниям на ружейных стволах. И да... — Брюс хитро прищурился. — Я распоряжусь, чтобы вам обоим выписали из казны премию. Такую, чтобы хватило на покупку небольшого поместья. Вы заслужили. Не зря государь распорядился наделать железных патронов... Вот как знает наперед наш Император. Как Богородица ему шепчет, как должно быть для Отечества.

Все трое перекрестились.

— Все господа. Неча мне с вами... Я на доклад к императору, – сказал граф.

— А я? – возмущенно спросил Диппель.

— Я ответственный, мне и ходить! Не переживай ты, укажу, как есть. Ты все изобрел. Я же только бдил неусыпно.

— Ага... бдил он! Спал! – пробурчал Ломоносов. – А как же я?

— А ты... ты нынче же думай, как ладить много гремучей ртути, Михайло. И чтобы от меня ни к кому!

— Так бранитеся же всегда. А тут ни к кому...

Диппель нахмурился, вспоминая русскую приказку.

— Кто кого чубит, тот того любит! – сказал он с жутким акцентом.

— Вы мне что? – спросил граф Брюс, находясь у выхода.

— Нет, ваше сиятельство,– поклонился Диппель.

Когда за Брюсом закрылась тяжелая дубовая дверь, Диппель и Ломоносов переглянулись. Старый циничный немец и юный русский самородок. Между ними была пропасть в возрасте, опыте и взглядах на химию. Но сейчас они оба улыбались одинаковыми улыбками людей, шагнувших за горизонт возможного.

— Ну что, варвар? — хмыкнул Диппель, снимая фартук. — Заложим новую партию? Только в этот раз температуру будем держать строже. — Обязательно, господин доктор, — кивнул Михайло, бережно подбирая раскуроченный медный капсюль и пряча его в карман на счастье. — Только чур, во-

дяной затвор собираю я. Иначе вы нас тут точно на воздух поднимете со своим флогистоном!

***

Петербург.

15 ноября 1726 года.

Середина ноября 1726 года выдалась в Петербурге на редкость суровой. Свинцовые воды Невы уже сковало льдом, а колючий балтийский ветер швырял в высокие окна Нового Зимнего дворца пригоршни сухого снега. Однако в грандиозном Тронном зале, освещенном тысячами восковых свечей в хрустальных люстрах, царила удушливая жара от натопленных изразцовых печей и дыхания сотен людей.

Здесь собрался весь цвет Империи, иностранный дипломатический корпус и высший генералитет. Все ждали беспрецедентного события.

Двустворчатые дубовые двери распахнулись, и церемониймейстер трижды ударил в пол тяжелым жезлом.

— Светлейший князь Ижорский, Александр Данилович Меншиков! — разнесся под сводами его зычный голос. — И Его Величество шахиншах Персии, Тахмасп Второй!

По залу прокатился приглушенный гул. Никто не ожидал возвращение опального Меншикова. Уж тем более, что я верну ему все титулы. А вернул! И даже газеты разродятся статьями, почему. Чтобы всем было понятно, что я не эмоциями живу, а рационально. Пусть хоть кто сделает для России столько, как Данилыч за последний год!

Он Иран и Среднюю Азию под мою руку привел. А если еще и с Амуром удастся... Ну не хотят пока китайцы идти на переговоры. Запрашивали мы, чтобы спокойно, дипломатией договориться, найти кому взятки дать, например.

А пока Александр Данилович, в расшитом золотом мундире, увешанный орденами так, что слепило глаза, вышагивал по ковровой дорожке с видом триумфатора, шествовал и смотрелся гордо. Он выполнил приказ. Он привез в Петербург правителя древнего Ирана.

Рядом с ним, сохраняя восточное достоинство, но явно подавленный величием русского двора, шел Тахмасп II. Молодой шах, чья страна была растерзана афганскими мятежниками и турецкими вторжениями, сделал единственный верный шаг, чтобы спасти свою династию.

А что, собственно ему оставалось? В Персию вошла армия. Сорок тысяч новых полков, которые были набраны в Средней Азии и обучены русскими инструкторами. Этой армии в Персии не было кому противостоять в принципе. А после смерти Надира и афганского шаха, так и вовсе.

Я сидел на троне, на своем, Железном, небрежно положив руку на державный скипетр, и смотрел, как они приближаются. Рядом не было наследника. Петруша, сержант Романов, нынче на выходе, грязь и липкий снег месит сапогами, передвигаясь между Выборгом и Петербургом, отрабатывая походные переходы.

Да и девочек моих не было. А вот Машу я усадил рядом с

собой. Как императрицу, не коронованную, но сидящую по правую руку. Все же нужно ее короновать, не правильно как-то это все.

Остановившись в пяти шагах от ступеней, Тахмасп приложил правую руку ко лбу, губам и груди. А затем, к изумлению европейских послов, персидский владыка опустился на одно колено. Тишина в зале стала звенящей.

— Я, Тахмасп, сын Султана Хусейна, законный владыка Ирана, — его голос, усиленный акустикой зала, дрожал, но слова звучали твердо. Переводчик чеканил их на русском. — Пред лицом Неба и людей, вручаю судьбу мою и державы моей в руки Великого Императора Всероссийского. Отныне мой меч — твой меч. Мои враги — твои враги. И да пребудет Персия верным щитом Российской Империи на Востоке.

— И да будет Россия и ее император мечом и отцом для всех народов, что поклонились мне! – сказал и я.

Так, текст по наитию в голову пришел. Но он не нарушил регламент.

Я медленно поднялся. Спустился на одну ступень и протянул руку шаху.

— Россия принимает твою клятву, брат мой Тахмасп. Встань, ибо отныне ты под моей защитой, и никто не посмеет посягнуть на твой трон.

Зал взорвался криками «Виват!». Я видел, как побледнел в толпе английский посол Уорд, осознав, что путь в Индию теперь действительно в моих руках. Но главное действо бы-

ло еще впереди. Ну так я не блефовал, когда об этом с ним разговаривал.

Когда первая волна ликований улеглась, и шаху отвели почетное кресло по правую руку от моего трона, церемониймейстер вновь ударил жезлом.

— Чрезвычайный и полномочный посол Блистательной Порты, Ахмед-паша!

Толпа придворных расступилась, образуя коридор. Османский посол шел к трону не с гордо поднятой головой, как это обычно делали надменные турки, а тяжело ступая, словно нес на плечах невидимый груз.

И я прекрасно знал, в чем заключается этот груз. Россия к этому ноябрю полностью забрала себе всё Северное Причерноморье. Крымское ханство перестало существовать, став русской губернией, а османский флот жался к берегам Босфора.

Но хуже всего дела обстояли на суше. Огромная турецкая армия, застрявшая на Дунае, прямо сейчас замерзала насмерть в своих летних шатрах. Снабжение было отрезано нашими летучими казачьими разъездами. Османские солдаты ели дохлых лошадей и мерли от дизентерии и холода. В то же время мои войска, расквартированные в теплых зимних лагерях на новых территориях, накапливали порох, провиант и получали новые ружья с капсюльными замками, готовясь весной просто смести обескровленного врага в море.

Турки приползли просить мира. Прогнозировано. Они

одолели австрийцев, прекрасно понимали, что мы знаем о сепаратных переговорах. И было бы на что им надеяться. Былая Россия пошла бы на мир, обязательно. Мало того, еще и уступила бы некоторые территории, как то Молдавию, к примеру.

Но нынче я переговоров вести не буду. Я понимаю нашу силу, мне нужно решить вопрос с турками до того, как я влезу, а я обязательно влезу, в европейские дела. Так что копим силы, учим новобранцев, нарабатываем навыки пользования нового оружия.

— Великий Падишах шлет тебе приветствия, Император, — сухо произнес Ахмед-паша, лишь слегка склонив голову в тюрбане. — Кровь лилась слишком долго. Блистательная Порта готова проявить великодушие и остановить войну. Мы предлагаем вернуться к границам до начала кампании...

Турок обвел взглядами большую часть собравшихся в Тронном зале.

— И я не имел никакой иной возможности, чтобы тебе сказать об этом. Ты не принимал меня, а твои люди не брали от меня писем.

Он еще и предъявляет мне? Чудак человек на букву "М".

— Довольно, — я оборвал его ледяным тоном, даже не повышая голоса. — Вы не в том положении, паша, чтобы предлагать мне великодушие. Крым — мой. Очаков — мой. А ваша армия на Дунае превращается в ледяные статуи. Если я не дам приказ остановиться, весной мои полки будут пить

вино в Константинополе.

Посол скрипнул зубами. Его смуглое лицо посерело.

— Чего вы хотите? Каковы ваши условия мира? Порта готова обсудить контрибуцию и... некоторые территориальные уступки в Приазовье.

Я усмехнулся и откинулся на спинку трона.

— Вы, действительно, считаете, что сейчас время для переговоров? Нет... Но ладно... Мои условия просты. Но обсуждать их вы будете не только со мной.

Я сделал неуловимый знак рукой. Тахмасп II, всё это время молча сидевший в своем кресле, медленно поднялся. Его глаза горели темным пламенем затаенной ненависти. Османы десятилетиями терзали его страну, отбирали города, пользовались смутой в Иране.

Ахмед-паша, наконец, обратил внимание на человека в персидских шелках, и в его глазах мелькнуло непонимание, стремительно перерастающее в ужас.

— Ты узнаешь меня, собака? — прошипел Тахмасп на фарси, и переводчик тут же звонко продублировал фразу. — Вы думали, что Иран слаб. Вы захватили Тебриз и Хамадан, пока мы истекали кровью. Вы отрезали наши головы и отправляли их своему султану.

Персидский владыка шагнул к опешившему турецкому послу.

— Но теперь за моей спиной стоит мощь Российской Империи! — голос Тахмаспа сорвался на яростный крик. Он

выхватил из ножен кривой персидский кинжал и бросил его прямо к ногам османского посла. Звон стали об мраморный пол эхом разнесся по мертвой тишине зала.

— От имени народа Ирана, я объявляю войну Османской Империи! — провозгласил Тахмасп. — Мы вернем свои земли. Мы ударим на Кавказе и в Анатолии. Мы не остановимся, пока не омоем свои сабли в водах Босфора!

Ахмед-паша пошатнулся, словно его ударили кнутом. Он переводил отчаянный взгляд с брошенного кинжала на пышущего гневом шаха, а затем — на меня. Картина мира для Блистательной Порты рухнула в одно мгновение. Вместо тяжелых, но терпимых переговоров с Россией на севере, они только что получили сокрушительную войну на два фронта. И на востоке им будет противостоять разъяренная Персия, вооруженная русским железом и русским золотом.

— Ну что ж, Ахмед-паша, — я мягко улыбнулся, наслаждаясь моментом абсолютного политического торжества. — Кажется, дипломатическая ситуация несколько изменилась. Мой брат Тахмасп весьма расстроен. И чтобы я согласился усадить его за стол переговоров и удержал наши армии в зимних квартирах... боюсь, Порте придется отдать нам всё.

Я сделал паузу, глядя в полные безнадежности глаза посла.

— Передайте султану: либо мы диктуем свои условия, и вы подписываете их не глядя, либо весной Россия и Иран поделят Османскую империю. Аудиенция окончена.

Турок схватился за эфес своей сабли...

— Взять его. И наградить плетьми за неподобающее поведение и угрозу убийством русскому императору! – сказал я.

Тут же скрутили всех турок. А я не дожидаясь пока их вынесут, сказал:

— Веселитесь! Первый танец – русский вальс!

Потом улыбнулся Маше.

— Могу я вас ангажировать, мадам?

— Спину расцарапаю, если этого не сделаете! – игриво шепнула она.

— О! Спину! Это мы любим!

Глава 2

Петербург
18 ноября 1726 года

Бремя власти измеряется не тяжестью короны, а хронической нехваткой времени. Чтобы хоть как-то упорядочить свое недельное расписание и унять бесконечное нытье Макарова, моего личного секретаря, пришлось пойти на крайние меры.

Иноземные послы осаждали приемную стаей голодных чаек, вымаливая аудиенции. Для самого Макарова эта осада, к слову, обернулась настоящей золотой жилой. Мой хитроумный секретарь, кажется, стал самым системным взяточником во всей Российской империи, негласно установив единый и весьма нескромный «тариф» за пропуск в мой кабинет. Я знал об этом, но пока закрывал глаза — в конце концов, этот барьер отсеивал совсем уж никчемных просителей. Но порядок был нужен.

Так в моем календаре появился «посольский день». Раз в две недели я открывал двери для представителей всех государств — как дружественных, так и тех, кто улыбался нам лишь скрипя зубами. В остальное же время дипломатический удар принимал на себя канцлер империи Андрей Иванович Остерман. У него был свой приемный день, когда он

выслушивал не только послов, но и влиятельных иностранных негоциантов, если их споры выходили за рамки компетенции местных властей. И лишь то, что хитроумный Остерман распутать не мог, или те вопросы, где требовалось прямое императорское слово, ложились на мой стол.

А за окнами этого кабинета, не умолкая ни на минуту, рычала, скрипела и грохотала великая стройка. Новый Зимний дворец рос на глазах. Те площади, которыми довольствовался Петр Великий, уже были преумножены вдвое, и это было только начало. Работа здесь не замирала даже ночью, освещаемая чадящими факелами и кострами. Я ввел немыслимые для этого времени три смены рабочих. Темп был взят бешеный.

Порой, когда от грохота молотов и визга пил начинала раскалываться голова, я лично спускался на леса. Вызывал к себе перепачканных известью глав артелей и прямо там, на досках, утверждал разнарядку на день: где и что они должны возводить именно сегодня, а на каких участках объявляется режим тишины, чтобы я мог элементарно работать с документами. \

Наверное, это мое прямое вмешательство, жесткий менеджмент и распределение потоков привели к тому, что Россия еще не видела столь стремительной стройки, где скорость не сжирала бы качество. Архитектурный замысел поражал масштабами: дворец возводился не единым монолитом, а отдельными павильонами, которые позже должны бы-

ли соединиться крытыми анфиладами. И та часть здания, чей парадный фасад уже гордо смотрел на холодные воды Невы, была практически завершена. Основная масса строителей готовилась переходить на новые участки.

Принимать здесь иностранцев стало не просто прилично, а по-настоящему эффектно. Мой кабинет, отделанный в первую очередь, представлял собой нечто совершенно особенное.

Это были сорок квадратных метров того, что я про себя называл «властным аскетизмом». Никакой аляповатой позолоты на каждом сантиметре и лепных купидонов. Всё дышало дорогой, тяжелой функциональностью. Вдоль стен выстроились стеллажи. На их полках, шокируя не привыкших к порядку приказных дьяков, ровными рядами стояли папки. Настоящие, прошитые скоросшибатели, идею которых я притащил из своего будущего.

В центре кабинета, словно капитанский мостик, возвышался огромный рабочий стол из массива красного дерева. Выглядел он вызывающе дорого, но это был дипломатический подарок от самого Евгения Савойского. Сегодня, впрочем, стол пустовал — разговоров с австрийцами в расписании не значилось.

Но главной моей гордостью, скрытой от лишних глаз в нише за дубовыми панелями, были два сейфа. Массивные, стальные, отлитые на заводах гениального Нартова по моим весьма приблизительным эскизам. В них не было замочных

скважин. Только поворотные лимбы с цифрами. Простейший кодовый замок для человека из моего времени, но для восемнадцатого века — чистая магия, недостижимая для понимания воров технология.

Отношение к бумагам в эту эпоху было чудовищно неряшливым. Здесь документ могли бросить в пыльный сундук, залить вином, отдать на съедение мышам. Потеря императорского указа считалась вполне уважительной причиной для его неисполнения! До моего появления системы документооборота в России не существовало как класса.

И хотя мои папки-скоросшибатели начали менять ситуацию, я всё еще предпочитал старый, проверенный метод. Бумага — это лишь след. Чтобы указ или воля были выполнены наверняка, мне было надежнее посмотреть человеку прямо в глаза, прочитать в них страх или преданность, и ударить по рукам.

Тяжелые двустворчатые двери кабинета бесшумно распахнулись, впуская в комнату секретаря, а следом за ним — долгожданного гостя. Я сидел за столом Савойского, откинувшись на высокую спинку кресла. Свет из огромных окон падал так, что мое лицо оставалось в полутени, зато вошедший был освещен как на театральной сцене.

Англичанин шагнул через порог. В его осанке сквозила та самая островная надменность империи, чей флот сейчас бросает якоря, где вздумается. Я не встал. Я молча сцепил пальцы в замок, положил их на красное дерево стола и впил-

ся тяжелым, немигающим взглядом в глаза представителя британской короны. Игра началась.

Впрочем, справедливости ради стоило признать: ситуация с бумагами в империи начала неуклонно меняться к лучшему. Я лично без предупреждения наведывался в кабинеты Остермана, Бестужева, Скорнякова и других высших сановников. И то, что я там видел, начинало радовать. Пусть это еще не была идеальная, стерильная педантичность, но номенклатура дел уже соблюдалась строго. Документы подшивались, нумеровались и раскладывались по реестрам. Я бы оценил эту работу на твердую четверку — вполне на уровне ответственного министерского чиновника из моего будущего. Мои уроки не прошли даром.

Но сейчас мне было не до внутренних успехов. В дальнем конце длинного, рассчитанного на двенадцать персон полированного стола стоял английский посланник Томас Уорд. Он замер рядом с массивной дубовой кадкой, в которой зеленело раскидистое лимонное дерево. На его ветвях уже желтели несколько крупных, бугристых плодов, специально выращиваемых для моего утреннего чаепития. Сладковато-терпкий запах цитруса смешивался в кабинете с ароматом дорогой бумаги и воска.

Уорд был человеком надменным до мозга костей, впитавшим имперскую спесь британца с молоком матери. Россию он, мягко говоря, не любил. Но чего у него было не отнять — он был дьявольски умен и осторожен.

Возможно, именно наши недавние, весьма жесткие действия на внешнеполитической арене сделали этого человека таким осмотрительным. Ни на светских раутах, ни в кулуарах, ни даже в абсолютно приватных разговорах за закрытыми дверями со своим личным секретарем Клавдием Рондо, Уорд не позволял себе ни единого крамольного или уничижительного слова ни в мой адрес, ни в адрес Российской империи.

Я знал это наверняка. Тайная канцелярия вела английскую миссию с пугающей тщательностью. На слежку и прослушку этого британца я выделил лучших, изрядно поднаторевших в своем ремесле «топтунов» и слухачей. Денег на тайный сыск я не жалел принципиально. Это был тот редкий случай, когда по моему прямому указу разрешалось безлимитно запускать руку в резервный фонд империи.

И если свести дебет с кредитом, то Тайная канцелярия, раздувшаяся за последнее время раз в десять, окупала каждый вложенный в нее рубль чистым золотом упреждающей информации.

Наша встреча длилась уже десять минут. Десять минут абсолютной, звенящей тишины. Я сидел, склонившись над столом, и невозмутимо читал — а точнее, уже перечитывал — пространный отчет генерал-губернатора Сибири. Скрипело перо моей самопишущей ручки, я делал пометки на полях, кое-что переписывал в свой личный блокнот, не обращая на гостя ни малейшего внимания.

Это была изощренная психологическая пытка, и мой гость прекрасно это понимал. Уорд стоял навытяжку, как провинившийся школяр. Он осознавал, что встреча носит отнюдь не дружественный характер, что лед под его ногами тонок, и любое неосторожное слово может вызвать мой гнев и короткий приказ швырнуть его за двери дворца, а то и в казематы. Поэтому британец молчал, лишь изредка сглатывая слюну.

Наконец, я отложил ручку. Медленно поднял взгляд и посмотрел прямо в серые, колючие глаза англичанина.

— Ну что ж, господин Уорд. Давайте с вами сразу определим те красные линии, которых вам в этой беседе не стоит даже касаться. Чтобы наша аудиенция прошла в сугубо рабочем, конструктивном русле, — ровным, лишенным эмоций голосом произнес я.

И произнес это на чистейшем английском.

Уорд едва заметно вздрогнул. Английским языком мое сознание человека из будущего владело в совершенстве. Да, здесь крылась та же проблема, что и с моим русским — я невольно использовал лексику и обороты речи, присущие началу XXI века, минуя витиеватые политесы века восемнадцатого.

Мой английский был рубленым, деловым и жестким. Впрочем, мне, не носителю этого островного наречия, такая лингвистическая вольность прощалась. А уж если вспомнить, что в этом кабинете, да и на тысячи верст вокруг него, именно я решал, кому и что можно прощать — то мое про-

изношение автоматически становилось эталоном, не терпящим возражений.

— Первое, — я поднял указательный палец. — Ваша страна совершила акт неприкрытой агрессии по отношению к России. Мы решили этот спор сталью и пушками. В морском сражении часть хваленого британского флота была отправлена на дно. И не учитывать эту новую реальность с вашей стороны было бы крайне... недальновидно.

Я выдержал паузу, наблюдая, как напряглись скулы посланника.

— Поэтому, — продолжил я, чуть понизив голос, отчего он зазвучал еще опаснее, — если вы привезли с собой тон, которым собираетесь угрожать России, то я вынужден освежить вашу память. Я продолжаю считать, что Англия объявила нам войну. Да, в ответ официальных бумаг с сургучными печатями от нас не последовало. Но по факту, де-факто, прямо сейчас мы находимся с вами в состоянии войны. На это вам есть что сказать?

Уорд расправил плечи, собирая в кулак всю свою дипломатическую выучку.

— Ваше Величество... — начал он осторожно.

— Вы забыли добавить слово «Императорское», господин Уорд, — ледяным тоном оборвал я его.

Англичанин замялся, его взгляд на секунду метнулся к окну и вернулся обратно.

— Прошу простить меня, государь. Но пока мой сюзерен,

король Георг, и британский Парламент не признают за Русским царством права официально именоваться Империей, я, как официальное лицо, не могу использовать этот титул в обращении к вам.

Я откинулся на спинку кресла и искренне, коротко рассмеялся.

— И тем самым, Томас, вы с первых же минут демонстрируете поразительное отсутствие гибкости, столь необходимой в вашем ремесле, — усмехнулся я, глядя на него уже не с гневом, а с легким презрением. — А ведь могли бы проявить изящество. Могли бы немного польстить мне. Сказать, например, что лично вы-то, конечно, считаете меня Императором, ибо своими глазами видите, какой мощи достигла Россия за последние годы... Но как же вы глубоко и искренне сожалеете, что неповоротливые бюрократы в Лондоне до сих пор не прислали официального признания.

Я подался вперед, опираясь локтями о стол-подарок Савойского.

— Учитесь дипломатии, Уорд. Иначе нам будет очень трудно договориться о том, как ваши моряки будут возвращаться домой. И уж тем более офицеры. А уж адмирал...

А ведь это чертовски приятно — с высоты трона указывать спесивому английскому дипломату на его вопиющую некомпетентность. Как и говорить с Англией, а в лице посла я представлял, что говорю со всеми британи, с позиции силы.

Я выдержал театральную паузу, с легкой полуулыбкой наслаждаясь замешательством посланника. Впрочем, присмотревшись к британцу повнимательнее, я поймал себя на мысли, что его растерянность и этот слегка опешивший вид были искусно наиграны. Неужели прощупывает меня? Изучает характер нового русского владыки?

Знаменитая фраза моего великого предшественника о том, что «лицо подчиненное перед лицом начальствующим должно иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство», в этой реальности так официально и не прозвучала. Но складывалось стойкое впечатление, что этим золотым правилом здесь пользовались абсолютно все, причем по умолчанию. Даже лорды с берегов Темзы.

— Ладно, будет об этом. Оставим уроки изящной словесности для светских салонов. Давайте к делу, — резко оборвал я игру, хлопнув ладонью по столешнице.

Уорд мгновенно подобрался, сбрасывая маску растерянности.

— Ваше Величество, — его голос зазвучал сухо и по-деловому. — Я уполномочен просить вас, в знак милосердия и как демонстрацию добрых намерений России, отпустить адмирала сэра Чарльза Уэйджера вместе с его офицерами.

Я откинулся в кресле, сцепив пальцы на животе.

— Ну что вы, мой милый друг! — протянул я с притворным радушием. — Сэр Чарльз увидел только холодный,

строящийся Петербург. А я бы очень хотел показать этому, несомненно, выдающемуся сыну Англии и другую, теплую Россию. Знаете, у меня возникла мысль отправить его на юг, в Крым. Пусть насладится климатом. А заодно — лично, своими глазами посмотрит, как мы закладываем на верфях наш новый Черноморский флот...

Я сделал вид, что глубоко задумался над этой блестящей идеей. Уорд побледнел. Упоминание Черноморского флота для британца, чья империя держалась на морском доминировании, прозвучало как щелчок взводимого курка. Наверное спрашивает себя: "Что? Еще один флот? И вдали от наших глаз? А сколько там кораблей?"

— Однако, — резко сменил я тон на ледяной, — всё зависит от того, что именно Лондон может предложить мне взамен. И прошу вас, Томас... давайте обойдемся без пафосных воззваний к христианской добродетели и милосердию.

Я видел, как дрогнули губы Уорда. Ему понадобились колоссальные усилия воли, чтобы проглотить готовые сорваться с языка гневные слова.

— Нам по своим каналам доподлинно известно, — продолжил я, вбивая каждое слово как гвоздь, — как именно вы осваиваете восточное побережье Северной Америки. Мы прекрасно осведомлены о методах Ост-Индской компании в Индии и о том, как вы ведете дела в прочих колониях. Добродетель там и рядом не стояла, Уорд. Вы — чрезвычайно практичная, расчетливая и циничная нация, которая работа-

ет исключительно на результат. И знаете что? Я вас за это даже не осуждаю.

Англичанин смотрел на меня не мигая. Кажется, моя осведомленность об их заморских делах стала для него неприятным сюрпризом.

— Но в России есть хорошая поговорка: «с волками жить — по-волчьи выть», — я чуть наклонился вперед. — Я не собираюсь заниматься нелепым морализаторством — не пристало русскому государю тратить на это время. То, что я буду делать, предельно просто: я буду подходить к любым вопросам внешней политики исключительно с точки зрения полезности моему Отечеству и Императорскому дому. Точка.

Сказав это, я небрежным жестом указал на тяжелое кресло с высокой спинкой, стоящее по другую сторону стола. — Садитесь, господин Уорд. В ногах правды нет.

Он изрядно выстоялся, я в полной мере продемонстрировал, кто в этой комнате хозяин положения. Но усугублять унижение и сводить дипломатию к банальной пикировке было нерационально. Мне нужен был результат. Англичанин сдержанно кивнул, одернул полы камзола и опустился на край кресла, сохраняя идеально прямую спину.

— Чего желаете вы, Ваше Императорское Величество, для того, чтобы британский адмирал как можно скорее покинул вашу гостеприимную державу? — осторожно спросил он. Надо же, какой гибкий. Ради дела даже императорским титулом не подавился.

— Мне нужен такой мир с Англией, который, даже если между нами начнется открытая война, оставался бы нерушимым, — произнес я.

Уорд нахмурился. Моя парадоксальная формулировка сбила его с толку. — Прошу простить меня, государь, но я не совсем понимаю вашу мысль. Как может сохраняться мир, если идет война? Если мы говорим о текущем моменте, то Англия не считает себя воюющей страной по отношению к России. А тот... прискорбный инцидент, который случился в водах Каттегата, мой король Георг и наш парламент сочли бы за благо предать забвению.

Я показательно, картинно вздохнул, всем своим видом демонстрируя снисхождение к умственно отсталому собеседнику.

— Мы с вами, Уорд, в будущем вполне можем оказаться по разные стороны баррикад. И, как вы, как опытный дипломат, должны понимать, скорее всего, так оно и случится. Европа беременна большой войной. Англия, судя по всему, неизбежно влезет в континентальные дрязги. Вы выступите на стороне Франции или Пруссии, которые уже точат зубы, чтобы откусить жирный кусок от Священной Римской империи, а то и вовсе развалить империю Габсбургов. А у России, смею заметить, в этом раскладе будут свои, совершенно иные интересы.

Посол молчал. Слушал внимательно, жадно, и уже без капли наигранности. Стало совершенно очевидно: отправля-

ясь в далекий Петербург после того славного разгрома британской эскадры при Каттегате, Уорд получил из Лондона жесткие, недвусмысленные инструкции. Любой ценой сгладить углы. Замять позорное поражение. И главное — не допустить, чтобы Россия окончательно сорвалась с цепи и начала открытую конфронтацию с Британией на морях.

— Я говорю не о пушках и фрегатах, Томас, — тихо добавил я, глядя прямо ему в глаза. — Я говорю о торговле. Золото не должно пахнуть порохом. Мне нужен договор, по которому, даже если наши армии сойдутся в Европе, британские и русские торговые суда продолжат беспрепятственно разгружаться в портах друг друга. Бизнес, господин Уорд. Ничего личного.

Дело было не только в европейских раскладах. На шахматной доске присутствовала еще одна, скрытая пока в тумане Атлантики, фигура. В Россию сейчас шла немаленькая эскадра. Пиратская. Та самая, с Мадагаскара. И шла она в сопровождении двух русских фрегатов, под Андреевскими флагами, груженая добытым золотом и товарами под самую завязку. Для британского флота, жаждущего крови и реванша за недавнее унижение, этот караван был невероятно жирной целью. Идеальный способ и казну пополнить, и лицо сохранить.

Однако у британских лордов теперь появился еще один фактор, который им приходилось учитывать. И, судя по поведению Уорда, выводы в Лондоне сделали правильные.

Этим фактором была Остендская торговая компания во Фландрии. Ирония заключалась в том, что сейчас ее даже не теневым, а полноправным руководителем являлся не кто иной, как я. Евгений Савойский и Австрия продавали, я "походил по базару", да и купил.

Я не стал менять прежний совет директоров. Я просто получил от них железобетонные гарантии: любые директивы, пришедшие из Петербурга, если они прямо не противоречат внешней политике Священной Римской империи, будут исполняться неукоснительно и в полном объеме.

Нужно признать, старый лис Евгений Савойский разыграл эту партию как по нотам, всучив мне этот актив. Мало того, что Россия влила в развитие Остендской компании колоссальные 450 тысяч рублей (сумма по нынешним временам фантастическая, позволяющая массово закладывать новые верфи, корабли и склады) — Австрия таким образом изящно связала мне руки.

Венский двор решил, что сузил международный маневр России. Они полагали, что страх потерять такие инвестиции удержит меня в фарватере их политики. Наверное, именно поэтому австрийцы сейчас так нагло рискуют, заключая за моей спиной сепаратные соглашения с турками. Думают, что я никуда не денусь.

Вопрос лишь в том, что в эту игру можно играть вдвоем. Мы тоже позволяем себе некоторые геополитические «шалости», о которых Вена пока не догадывается. И в этой негласс-

ной гонке мы не просто квиты — мы уже на пару ходов впереди.

Остендская компания наращивала мускулы. Да, новейших линейных кораблей там пока построили всего три, но зато на воду спустили больше дюжины тяжелых фрегатов, а счет вооруженным транспортникам шел на десятки, не говоря уже о судах меньшим тоннажем: шлюпах, бригантинах и флейтах. И когда условно «пиратская» мадагаскарская эскадра бросит якоря и вольется в этот остендский флот... Нет, конечно, это не сделает нас владыками морей, но это станет той самой гирей на весах Европы, которая способна сломать хребет любому гегемону.

Я вернулся из своих мыслей в кабинет. Уорд по-прежнему сидел на краешке кресла, ожидая продолжения.

— Но вы ведь наверняка знаете, господин Уорд, — я чуть склонил голову набок, — что буквально вчера мы заключили союзный договор с Данией. Пока что — сугубо морской союз. Но кто знает, во что он выльется завтра... А после того, как Швеция, осознав новые реалии, стала исключительно дружественной к нам державой, можете считать, что весь шведский флот теперь — наш.

Я замолчал, буравя англичанина тяжелым, почти осязаемым взглядом. Наша встреча действительно всё больше походила на мой монолог, но сейчас мне нужно было пригвоздить его к месту.

— И еще кое-что, Томас, — голос мой упал до угрожа-

ющего шепота. — Вы же на днях весьма активно пытались интересоваться у моего вице-канцлера Алексея Петровича Бестужева программой строительства новых русских кораблей?

Уорд замер. На его лице не дрогнул ни один мускул, но я заметил, как побелели костяшки пальцев, вцепившихся в подлокотники кресла.

— Так вот. Если вы, или ваши люди, еще раз попытаетесь сделать нечто подобное — ни о каких соглашениях с Англией речи быть не может. Наши двери закроются для вас навсегда. А вы, смею заметить, заинтересованы в британских товарах на наших рынках куда больше, чем мы. И нечего уж и говорить, как вам нужны наши товары и товары со Швеции. Без нас вы скоро задряхлеете. Возить корабельный лес с Америки? Смешно. Поторгуемся?

— Это соглашение изменит мир, ваше величество!

— Вы вновь забываете добавлять “императорское”. Будет забавно, что из-за этой оплошности не выйдет договориться, – усмехнулся я.

От автора:НОВИНКА Танкист-ветеран гибнет и попадает из 2022 в декабрь 41-го. Идет зимнее контрнаступление. Чтобы выжить в бою, он берет под командование подбитый Т-34: https://author.today/work/647123

Глава 3

Петербург.
18 ноября 1726 года.

Посланник выдержал мой взгляд.

— Ваше Императорское Величество, — произнес он с безупречной выдержкой. — Смею заверить, больше никаких... поползновений в эту сторону не будет. Если позволите, впредь со всеми возникающими вопросами я буду обращаться напрямую в ваш секретариат. Признаться... — он сделал крошечную паузу. — Вы и без того сегодня поведали мне немало того, что обычно добывают шпионы.

Ого. А вот это было красиво. Впервые за всю аудиенцию я почувствовал тонкий, как укол рапиры, дипломатический выпад в риторике британца. Он дал понять, что видит мою игру с открытыми картами.

— Я не выдаю вам тайн, Уорд, — усмехнулся я. — Я лишь констатирую факты. Я показываю вам, какой становится Россия, и как меняется Европа. Поэтому я призываю вас заключить тот самый торговый пакт, который будет действовать на море даже под гром пушек на суше. Иначе... Если мы с вами всё же схлестнемся в непримиримой борьбе, вы уже на собственном опыте знаете, что наши канониры и наши корабли оснащены и подготовлены, может, и не так совершен-

но, как хваленые английские, но тоже весьма недурно.

Дипломатия — искусство возможного. Иногда приходится льстить и прибедняться. Я позволил ему думать, что считаю британский флот эталоном. Хотя на самом деле я прекрасно знал: благодаря моим нововведениям, чертежам и технологиям, русские корабли уже сейчас оснащены куда лучше английских. А выучку наших канониров, стреляющих по математически выверенным таблицам, мы за зиму подтянем до такого уровня, что британским капитанам в будущих баталиях останется только молиться перед смертью.

— Ну, а если вы будете еще учитывать то, что далеко не весь русский флот вернулся в Кронштадт, и изрядная его часть осталась стоять на рейде в датских портах... — я позволил фразе повиснуть в воздухе.

Уорд напрягся. Его пальцы, до этого спокойно лежавшие на коленях, едва заметно сжались.

— Ваше Императорское Величество желает нас пугать? — недоуменно, но с тщательно скрываемой тревогой поинтересовался англичанин.

— Нисколько, — я пожал плечами с нарочитой легкостью. — Разве можно запугать саму Британию? Владычицу морей, как вы считаете? Нет, Томас. Я лишь хочу избежать досадных сложностей в будущем. А ведь есть еще и фактор Голландии, который вам тоже придется брать в расчет...

С этими словами я резко, без предупреждения поднялся из-за стола. Уорд, повинуясь безусловному рефлексу при-

дворного протокола, тут же подорвался со своего кресла, вытянувшись по стойке смирно.

Я подошел к стеллажу. Нужная папка-скоросшибатель, которую я еще утром лично достал из нартовского сейфа, нашлась мгновенно. Я взял ее, вернулся к столу и с глухим стуком бросил перед посланником.

— Вот. Читайте наброски того торгового соглашения, что я предлагаю Англии. В этой тонкой папке лежало то, что могло перевернуть всю европейскую геополитику, если нам удастся договориться.

Пусть все будет, как установлено Господом Богом, ну и людьми в какой-то степени: пушки – стреляют, корабли – берут на абордаж; а торговцы торгуют и зарабатывают деньги. Кесарю – кесарево. И ведь не так обязательно, чтобы когда пушки стреляют, торговцы не торговали? Знаю, что с кем-кем, но с англичанам такой подход может состоятся.

А то без серьезной торговли я Россию быстро на финансовые и производственные ноги не поставлю. Пока есть деньги, но через год, без основательных подвижек в деле торговли, мы начнем очень сильно проседать, даже если и разграбили бы Константинополь.

Да и фактор Швеции не стоит сбрасывать. Пока мой зять там правит, его не трогают, ибо за его спиной я. Ну и Россия сделала некоторые послабления первоначальным заявлениям. Но если и они не будут торговать, то и русское зерно, из которого будут печь хлеб для шведских детей, не поможет.

— Садитесь и читайте, — скомандовал я, опускаясь обратно в кресло Евгения Савойского. — Время на ознакомление я вам дам. Читайте вдумчиво, не торопясь. А мне еще нужно успеть просмотреть реляции о состоянии дел в армии. Знаете ли, — я бросил на него многозначительный взгляд, — мы тут решились значительно усилиться, увеличить войско свое. А то турка в прошлый раз били слишком долго, непорядок. Да и скорая большая война в Европе не располагает к экономии на порохе и штыках.

Сказав это, я придвинул к себе бумаги и с невозмутимым видом принялся... дочитывать всё тот же доклад генерал-губернатора Сибири.

Англичанин некоторое время буравил меня взглядом. Его явно заинтересовала тема общеевропейской войны и роли России в предстоящих событиях. Но я не его осведомитель. Сказано достаточно, чтобы англичане задумались.

Скоро в кабинете повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь шелестом страниц. Уорд читал.

Девиз этого соглашения, да и всего моего подхода к внешней политике, можно было бы сформулировать одной хлесткой фразой: «Экономика главнее политики». Да, Карл фон Клаузевиц в моем прошлом — а для этого мира в будущем — скажет, что война есть продолжение политики иными средствами. Но история знает множество парадоксальных примеров, когда даже непримиримые враги вели между собой интенсивнейшую торговлю.

Вспомнить хотя бы буржуазную революцию в Нидерландах. Морские гёзы и прочие голландские мятежники вполне успешно и цинично торговали с испанской короной. С той самой короной, которая была их смертельным врагом, чья инквизиция жгла и уничтожала голландцев тысячами! На вырученные от этой торговли с врагом деньги мятежники строили себе новые корабли, покупали оружие — и этим же оружием били испанцев. Гениально и беспринципно.

Почему бы нам, за счет вырученных с торговли средств, не интенсифицировать промышленный переворот? Одна паровая машина сейчас обходится в пять тысяч рублей. Это невероятно много, как по мне. И стоимость можно снизить только большим серийным производством. А на него нужны, соответственно большие деньги.

А еще и богатые русские торговцы – это стране польза. Главное, чтобы они под матрасом деньги не хранили, а развивались, создавали рабочие места. Пусть я своей волей, беря весь удар на грудь, отменю крепостное право... Что? Как в Англии хочу? Чтобы по городам толпы бывших крестьян, а нынче нищих бродяг шлялись? Так британцы вешают таких. Мы – другие, мы гуманнее.

Вот будут рабочие места, освобожу сперва государственных крестьян, потом монастырских. Или наоборот. А дальше... Но только если в страну пойдут деньги из вне.

И так во многом, таковы законы экономики.

Я был уверен: Англии сейчас просто катастрофически

нужны ресурсы. Им нужен наш корабельный лес, пенька, деготь. А как нужны русские металлы?

Да, возможно, через два-три десятилетия они разовьют свои мануфактуры так, что смогут покрыть собственным производством всю металлургию. Но прямо сейчас без шведского и русского железа, без строевого балтийского леса англичане уязвимы до крайности. Если им перекрыть этот кислород, они неизбежно начнут скатываться в пропасть, утрачивая свое морское превосходство.

И еще... тем, что мы, а теперь еще и Швеция, не торгуем железом с англичанами, они вынуждены производить больше сами. А это значит, что технологии, основанные на каменном угле будут только шириться, ускоряя промышленный переворот уже в Англии. Зачем нам, чтобы она развивалась?

Византийская хитрость: насытить противника дешевыми ресурсами, чтобы у него не было желания развивать собственное, ну и не выгодно первоначально. И все... мы с серебром и с пониманием, куда двигаться в своем развитии, соперник, Англия, довольна, что с нашими и шведскими ресурсами. Того не понимая, что это не есть благо.

— Ваше Императорское Величество... — голос Уорда разорвал тишину. В нем звучало искреннее недоумение. — А что за... как вы изволили здесь написать... «технологии использования каменного угля»? Что вы имеете в виду, требуя, чтобы Англия предоставила своих специалистов в этой обла-

сти? Разве в России мало добывается дерева и железа? Особенно теперь, когда вы подчинили себе шведскую металлургию и забрали под свою руку особо важные железные рудники на севере Швеции?

Я отложил сибирский доклад и сцепил пальцы в замок.

— Во-первых, господин Уорд, не на севере Швеции, а на севере Российской империи. И эти новые границы, как вы, наверное, не дочитали в третьем пункте соглашения, Англия должна будет признать официально.

Я сделал паузу, давая ему проглотить эту пилюлю, и продолжил:

— А во-вторых... Для нас не является секретом появление в Англии новых доменных печей. Тех самых, где для выплавки чугуна вместо древесного угля уже вовсю начинает использоваться земляной, каменный уголь. Мне нужны инженеры, которые умеют это строить.

Уорд побледнел. Похоже, моя осведомленность об их промышленных секретах ударила его больнее, чем упоминание о флоте.

На самом деле, здесь крылась моя главная слабость. Что касается модернизации металлургии, я был абсолютно, ну или почти, беспомощен. Да, как человек из будущего, я по верхам знал школьную программу.

Я помнил красивые слова вроде «мартеновская печь» (до которой этому миру еще полтора века) или «пудлингование». Но это была чистая, поверхностная теория! Если меня

сейчас поставить перед кирпичами и рудой, я не смогу построить даже простейшую пудлинговую печь, не говоря уже о мартене.

Мне, к сожалению, так и не довелось побывать и поработать на металлургических комбинатах аудитором, или кризис-менеджером. Были компании, которые косвенно касались металлургии, но я трудился над бумагами с цифрами, а не с технологиями. Знал бы я...

А у англичан же прямо сейчас, в эти годы, появлялись и отрабатывались реальные, практические технологии использования кокса. Абрахам Дарби уже сделал свои первые плавки. И эти технологии, этот опыт руками настоящих мастеров мне были нужны как воздух, пока мы не отстали навсегда.

Мы имели об этом не просто представление. Мы готовили операцию по краже технологий. У нас было немного специалистов, которые работали с такими печами. Но... они не знали всего устройства. Хотя работаем и с ними, через экспериментальный завод Нартова.

Да, на сегодняшний день разрыва в металлургии между нами и Европой нет. Более того, демидовские заводы на Урале перевыполняют планы. Нашего железа хватает с избытком и на продажу за рубеж, и на расширенное производство собственного новейшего оружия, и на сельскохозяйственный инвентарь. Мы пока в лидерах. Но я знал, что промышленная революция в Англии уже закипает. И если я не украду, не куплю или не выбью из них эти угольные технологии

прямо сейчас, через полвека Россия окажется на задворках прогресса.

— Вы дадите мне своих специалистов по каменному углю, Уорд, — тихо, но с нажимом повторил я. — А я дам вам лес и железо для вашего флота. Это справедливый обмен, вы не находите?

В одном я был уверен абсолютно железно: если эти базовые, уже отработанные в Англии угольные технологии появятся в России, мы не просто догоним островитян. Я, и сформированная мной команда инженеров, опираясь на мое послезнание, сможем довести эти печи до такого совершенства, что мы перепрыгнем целую эпоху. Мы минуем десятилетия проб и ошибок и перейдем на новую ступень прогресса, оставив британскую промышленность глотать угольную пыль далеко позади.

Но для этого нужен был первый толчок. Демидову он пока не дается, хотя задание промышленник получил. Нужны отработанные технологии.

— Вы хотите... создать Русский торговый дом в Лондоне? — медленно произнес Уорд, поднимая на меня глаза от бумаг. В его голосе звучала смесь недоверия и возмущения.

— Несомненно, — я чуть склонил голову. — Нас больше не устраивает игра в одни ворота. Ситуация, при которой вы приводите свои торговые флотилии к нам на Балтику, диктуете цены, а мы лишены возможности сделать то же самое в ваших портах, отныне неприемлема. И речь идет не толь-

ко о Лондоне, господин Уорд. Почему бы русским купцам не наведаться в Ливерпуль? Или в другие портовые города? Привезти свои товары на своих же кораблях, без ваших вездесущих посредников.

— Боюсь, государь, именно на это мое правительство не пойдет никогда, — покачал головой англичанин. — Это противоречит самому духу наших Навигационных актов...

— Господин Уорд, вам стоит очень тщательно взвесить все риски. А также выгоды, — я перебил его мягко, но веско. — Если вам будет угодно, вы можете прямо завтра послать своего секретаря, Клавдия Рондо, или любого вашего соглядатая на наши верфи и лесозаготовительные площадки. Пусть посмотрят на сушильни. Там сейчас готовится строевой корабельный лес в таких колоссальных объемах, что даже наша, весьма амбициозная кораблестроительная программа, не способна его быстро освоить.

Я начал загибать пальцы, с удовольствием наблюдая, как меняется лицо дипломата.

— Полгода-год — и новая, гигантская партия идеального леса будет готова. Мачтовые сосны. Идеальный дуб. Мы скупаем на корню весь дуб по Западной Двине у поляков. В Воронеже и Брянске у нас заложены свои, великолепные дубравы. Я уж не говорю о том, что после недавних событий качественного корабельного леса хватает и в покорной нам Швеции. У нас монополия, Томас. Если Англия хочет строить корабли — она будет договариваться со мной. Не вы, так

Голландия!

— То, что вы сейчас озвучили, Ваше Императорское Величество... это называется ультиматум, — резко, забыв про дипломатический политес, бросил Уорд.

— Это называется взаимовыгодное прагматичное соглашение, — парировал я, не повышая голоса. — Соглашение, которое должно стоять над всеми политическими бурями. Даже если завтра наши страны вступят в непримиримую войну, наши торговые корабли — и ваши, и мои — должны обладать абсолютным иммунитетом на море. Бизнес должен дышать.

Я выдержал паузу и добавил контрольный выстрел:

— К тому же, вы еще не дочитали документ до конца. Там есть четвертый пункт. Я предлагаю Англии разделить сферы влияния в Новом Свете. Лондон признает западное, тихоокеанское побережье Северной Америки исключительными русскими территориями. В ответ Российская империя официально признает ваши права на восточное побережье. Ну, а дополнительными, закрытыми протоколами нам с вами предстоит решить, что мы будем делать в Индии...

Уорд моргнул. Заготовленная им фраза застряла в горле. А затем на его губах появилась кривая, откровенно насмешливая улыбка.

— В Индии? — переспросил он с плохо скрываемым сарказмом. — Вы всерьез рассчитываете добираться до Индостана своим флотом, Ваше Величество? Огибая Африку?

Или, может быть, через льды? Не рассчитываете же вы на тех пиратов, с которыми вы начали общение.

Я рассмеялся.

— Ну точно не Англии, с ее вековыми пиратскими и каперскими традициями, нас будь в чем обвинять. И они уже не пираты, они – мои подданные. Мой Резервный флот, между прочим. И не малый.

Я откинулся в кресле и ответил ему улыбкой, в которой было столько холодного ехидства и превосходства, что сарказм британца мгновенно испарился.

— Вы катастрофически плохо подготовлены как посол, Томас. Ваша агентура зря ест свой хлеб. Вы разве не знаете, что прямо сейчас, пока мы с вами здесь беседуем, из Петербурга домой направляется огромная делегация? Во главе с шахом Великого Ирана... или, как вы привыкли называть эту страну, Персии.

Глаза Уорда расширились. Он перестал дышать.

— И прибывали они сюда, господин Уорд, с одной-единственной целью — просить о принятии Ирана под вассалитет Российской империи. Так зачем мне гнать флот вокруг света?

— Я был на приеме, ваше величество, видел и слышал.

— Тем более... И да, земли за Каспием пустынны и суровы. Но что мешает нам проложить там безопасные тракты? Поставить цепь военных форпостов, где будут останавливаться на отдых торговые караваны под охраной казаков?

Опираясь на Иран, мы сможем достигать северо-западных границ Индии по суше. Вполне вольготно и очень, очень быстро.

Лицо британского посланника приобрело пепельный оттенок. В одночасье его привычная картина мира, где Англия безраздельно правит колониями с моря, дала чудовищную трещину. Угроза вторжения русских торговых (а за ними и военных) интересов в Индию по суше была ночным кошмаром для Лондона.

Уорд судорожно сглотнул, захлопнул папку с договором и прижал ее к груди, словно щит. — С вашего позволения, государь... Я должен немедленно, буквально на днях, отбыть в Лондон. Мне необходимо лично обсудить эти... инициативы с королем и кабинетом министров.

— Отправляйтесь, — я милостиво кивнул, словно разрешая мелкую отлучку. — Но запомните: у вас есть время. Не более двух месяцев. Если через шестьдесят дней я не получу положительного ответа, все предложения в этой папке будут считаться ничтожными. А условия следующего разговора станут для Англии куда более болезненными. Затягивать переговорный процесс, играя в бюрократию, я не позволю.

Я взял перо, макнул его в чернильницу и, не глядя больше на посланника, опустил глаза в сибирские отчеты.

— На сим не смею вас больше задерживать, господин Уорд. Счастливого пути. Но помните, что счастье Англии в соглашении с Россией.

Глава 4

Петербург.
21 ноября 1726 года.

Двор не просто бурлил — он содрогался в лихорадке. Весть из Вены об убийстве Императора Священной Римской империи ударила по дворцовым анфиладам, словно пушечное ядро. Знать была парализована первобытным страхом перед грядущим политическим хаосом. И, видит Бог, если бы я сумел удержать лицо, не придав этой чужой крови исключительного значения, паника не расползлась бы так стремительно.

Но как бы я ни пытался сковать эмоции стальным обручем, в тот миг плотина рухнула. Ярость и напряжение затмили разум. Я потерял себя в слепом бешенстве и пришел в чувство, лишь когда осознал, что стою с занесенным кулаком, срывая голос на мертвенно-бледного главу Тайной канцелярии Антона Девиера.

Потому как я понимал, что именно произошло, а то, что “играли меня”, то есть подставляли, – не нравилось вдвойне.

И как же не вовремя. Нам нужен был еще минимум два года, и тогда уже какая там в Европе война начнется будет не важно. Мы сами тогда могли быть способными только своей позицией менять европейскую дипломатию. Но... кто гово-

рил, что все должно быть гладко?

— Все в сборе?! — бросил я, рывком распахивая тяжелые дубовые двери зала заседаний Государственного совета.

— Так точно, Ваше Императорское Величество! — по-военному, чеканя каждое слово, гаркнул канцлер Российской империи. Всё тот же Андрей Иванович Остерман.

Я едва не сбился с шага. Кажется, это был лишь второй раз в жизни, когда я видел его в расшитом золотом мундире фельдмаршала. Да, по новому уставу, в преддверии военного положения, штатским чинам дозволялось облачаться в мундиры сообразно их классу в Табели о рангах.

Но этот воинственный маскарад канцлера источал лишь отчаянную, жалкую угодливость. Уж не знаю, почуял ли Остерман своим звериным инстинктом самосохранения, что ищейки Тайной канцелярии уже роют под него землю, или ему кто-то шепнул... Но сейчас его лесть казалась до тошноты неуместной. Она не смягчала мой гнев, а лишь распаляла его.

Мы нашли его хищения. Схема была дьявольски умна в своей неприметности: он брал понемногу, не вызывая ряби на воде, но брал абсолютно со всего. Капуста, красная цена которой двенадцать копеек за пуд даже зимой, шла в армейские котлы по пятнадцать даже во время сбора урожая. С солдатской крупой, сукном и фуражом ситуация была точно такой же — казенная кровь методично перетекала в чужие карманы по три лишние копейки с каждого пуда.

Сделай кто-то другой нечто подобное, даже с моим опытом, в нынешних реалиях и с нашими первобытными методами сыска, поймать за руку было бы почти невозможно. Но военный министр Петр Петрович Ласси — старый, битый жизнью вояка — лично шепнул мне в темном коридоре о весьма «интересном» предложении, поступившем ему на днях.

Речь шла о двухстах тысячах рублей. Астрономическая, безумная сумма в полновесном серебре. Именно столько Остерман и его клика готовы были отвалить военному министру в качестве доли. И мой прошлый опыт въедливого аудитора бил в набат: эта взятка — лишь жалкие крохи, ничтожный процент от того золотого потока, что оседает в бездонных сундуках самого канцлера.

В глубине души я понимал: сам по себе Андрей Иванович — не банальный хапуга, не коррупционер в современном понимании, да и в будущем такого деятеля считали бы вором только те, кто далек от власти, а свои – кристально честным человеком. И не столько же для себя брал...

Его можно было бы даже пожалеть в этой безжалостной политической игре. Ему просто жизненно необходимо покупать верность нужных людей, выстраивая фундамент своей власти. Он не столько платил им из своего кармана, сколько создавал «кормушки», позволяя нужным людям безнаказанно жиреть на казенных подрядах.

Вот же... сейчас расплачусь. Нет.

Такие схемы, несмотря на их чудовищный, всепоглощающий размах, были для России въевшейся в плоть обыденностью. Но я был одержим идеей иметь хотя бы здесь, на самом верху, кристально чистого человека в лице канцлера. Как, во имя всего святого, рубить головы вороватым губернаторам, если прямо под моим боком, в святая святых империи, гнойник коррупции продолжает пульсировать?

Я обвел тяжелым взглядом замерший совет. Воздух в зале стал густым и тяжелым.

— Канцлер, давай, расскажи, кто там может быть императором после смерти Карла. Чтобы мы все понимали, какова нынче обстановка, – сказал я.

Канцлер Остерман и рад стараться:

— Ваше Величество, внезапная гибель императора – это не просто династический кризис, это распахнутые врата в европейский ад, — начал он, разворачивая на столе карту.

— Я понимаю это. Ты всем иным рассказывай, – сказал я.

— Прагматическая санкция, коей Карл пытался закрепить престол за своим потомством, толком еще не признана половиной дворов. А главная беда в том, что его старшей дочери, эрцгерцогине Марии Терезии, сейчас от роду всего девять лет! Одно дело — пытаться усадить на трон Священной Римской империи взрослую женщину, и совсем иное — отдать корону Габсбургов несмышленому ребенку. В Вене царит паника, регентский совет парализован страхом, а древняя империя трещит по швам.

— И стервятники уже слетаются на этот треск, — добалял я, обводя пальцем границы германских княжеств. — Баварский курфюрст Карл Альбрехт спит и видит императорскую корону на своей голове, ведь он женат на племяннице покойного, и Франция непременно вольет золото в его амбиции, дабы окончательно раздавить Вену. С другой стороны скалит зубы курфюрст саксонский, он же польский король, мой венценосный брат Август, чья невестка тоже из рода Габсбургов. Не забудем и про испанских Бурбонов, которые не упустят шанса вернуть утраченные итальянские провинции. Никто в Европе не желает видеть девятилетнюю девчонку владычицей половины континента. Война за австрийское наследство вспыхнет не сегодня-завтра, и нам, Ваше Величество, предстоит решить: будем ли мы спасать тонущий венский корабль или первыми отрубим от него самый лакомый кусок.

Я посмотрел на собравшихся.

— Нынче понятно, что это за событие? Важнее и придумать сложно. Ну если только дурной сон у меня, – последнее было шуткой, но никто даже не улыбнулся.

А шутил я, наверное, нервически. Нет, сложностей я не боялся. Одной, двух... Но ощущение брало, что мы можем и надорваться. Очень много вызовов, но и побед, которые мы не успеваем “пережевывать”.

— Прежде всего скажу вам, господин глава Тайной канцелярии... — Я запнулся. Слов, которые рвались сейчас с моих

губ, никто и никогда не ожидал услышать ни от меня, ни от моего великого предшественника, Петра Первого. Такого в этих стенах еще не звучало.

Но совесть, проклятая совесть, рвала душу на части. Одно дело — обрушить на Девиера державный гнев, наорать до хрипоты. Это было бы понято и принято, даже если бы я просто захлебнулся собственной яростью. Но ужас заключался в другом: я избил его. Избил в исступлении так, что сломал ему ногу.

Не берусь судить, терзался бы подобным раскаянием Петр Алексеевич. Насколько я успел изучить своего великого предшественника, он не тратил бессонных ночей на сожаления и уж подавно не просил прощения за выбитые зубы и сломанные кости своих вельмож. Да что кривить душой, я и сам порой пускал в ход кулаки. Но делал это редко, исключительно за дело, а иногда и вовсе с пугающим холодным расчетом.

Случалось, я подходил к рукоприкладству как к циничному политическому инструменту. На троне самодержца порой возникают моменты, когда ты, будучи абсолютным владыкой, парадоксальным образом становишься заложником чужих ожиданий. Двор жаждет видеть крутой нрав. И если ты не дашь им этой крови, этих тяжелых оплеух — кто знает? Решат еще, что хватка ослабла, что трон под тобой зашатался.

И всё же… всё же…

— Я вел себя… не вполне уместно давеча, господин Девиер. Я всецело доволен тем назначением, что произвел полтора года назад. Вы справляетесь со службой, — произнес я, роняя каждое слово в звенящую тишину зала. – Есть на вас представления. Орденский комитет рассмотрит их.

Эти слова вызвали бурю немых, ошеломленных взглядов, скрестившихся на бледном лице главы Тайной канцелярии. Я почти слышал, как со скрежетом проворачиваются шестеренки в головах сановников, лихорадочно вычисляющих: как теперь вести себя с покалеченным, но публично оправданным Девиером?

Впрочем, был в этой реплике и скрытый умысел. Краем глаза я впился в лицо Меншикова. Светлейший сидел в составе Государственного совета тих и строг. Его камзол был лишен привычной кричащей роскоши; лишь тусклая вышивка серебряной нитью едва заметно выдавала безумную стоимость сукна. Но по сравнению с прежним, павлиньим великолепием Александра Даниловича — это было рубище нищего кающегося грешника.

— Господин канцлер, — мой голос внезапно хлестнул по Остерману.

Тот вздрогнул всем телом, словно от удара хлыстом, и резко вскинул на меня испуганный взгляд.

— Вы пока можете быть свободны. Ступайте в соседний кабинет, забирайте с собой вице-канцлера Бестужева. Жду через полчаса исчерпывающую бумагу с рекомендациями

нашему послу в Вене. Уверен, что даже такой тертый дипломат, как Румянцев, сейчас пребывает в полной растерянности — о чем красноречиво вопят его утренние депеши.

Это выглядело как унижение. Будто я вышвыривал канцлера, как нашкодившего лакея, не желая обсуждать при нем истинно государственные дела. Остерман и Бестужев, пряча глаза, торопливо поднялись, отвесили глубокие поклоны и, стараясь не шуметь, скрылись за тяжелыми дверями.

Когда стук их шагов стих, я обернулся к оставшимся:

— Господин министр военных дел... — требовательно произнес я.

Ласси тяжело поднялся. Он был полон мрачной, непоколебимой уверенности — качества, которого, как мне казалось раньше, ему отчаянно недоставало. Но сейчас старый вояка менялся на глазах. Прямо и не мигая, он посмотрел мне в глаза.

— Армия исполнит любой ваш приказ с честью и достоинством. Прикажете — и мы возьмем Париж.

Я криво усмехнулся в свои куцые усы, пряча минутное удовлетворение.

— Это похвально. Но депеши от фельдмаршала Матюшкина ложатся прямиком на ваш стол. У меня есть определенные соображения о том, какая кровавая каша заваривается сейчас у стен Измаила и Аккермана. Соизвольте, генерал, доложить обстановку всему Совету без утайки, — приказал я, откидываясь в кресле.

— На сегодняшний день мы сумели подготовить и поставить под ружье стодесятитысячную армию, — рублеными фразами начал Ласси. — Обеспечение налажено. Закупки интендантства производятся как в Речи Посполитой, так и в Молдавии, частично даже на землях Священной Римской империи. Случались, признаться, перебои с провиантом, мало от нас зависящие. Однако... — он жестко усмехнулся, — разъяснительная беседа с маркитантами и поставщиками была проведена должным образом. Сейчас идет безостановочное накопление провианта, фуража, пороха и артиллерийского припаса. Значительная часть обозов, разумеется, непрерывно тянется из глубины России.

Ласси докладывал лаконично, точно в цель. То ли он наконец-то усвоил, как именно мне нужно подавать информацию, то ли эта военная хватка всегда была при нем, просто раньше он робел, придавленный непомерной тяжестью министерского кресла.

Я ненавидел растекание мыслью по древу. Мне нужна была общая картина, фундамент, который можно разобрать на кирпичи и рассматривать по частям. А то ведь иные сановники начнут издалека плести кружева про божий промысел и трудности мироздания — хоть в балаган их отправляй, сказки сказывать.

— Разработан ли план зимне-весенней кампании? — сухо поинтересовался я, прерывая его доклад.

— Генеральный штаб подготовил пять вариантов разви-

тия войны с Портой. Большинство из них, согласно традициям, предполагает начало активных боевых действий не раньше конца марта, когда сойдут снега и просохнут дороги. Но, исполняя волю Вашего Императорского Величества, мы разработали и план зимней кампании.

Тут Петр Петрович запнулся. Его тяжелый взгляд скользнул по лицам присутствующих за столом. Этим красноречивым жестом старый лис давал мне понять: негоже прямо сейчас, при гражданских чинах и соглядатаях, трясти картами и обсуждать планы, на которых должна стоять сургучная печать с грифом «Совершенно секретно».

— Об этом мы поговорим отдельно, — кивнул я, принимая его игру. — Скажу лишь одно: мы обязаны быть готовы к самому скверному сценарию. Не думаю, что прямо сейчас, в снегах, полыхнет общеевропейская война за австрийское наследство. Но по весне этот нарыв прорвется кровью, это неизбежно. И насколько мы способны вести войну на два фронта — вопрос, от которого зависит жизнь Империи.

— Полагаю, Ваше Императорское Величество, что войну с турками нужно заканчивать стремительно. В течение одного, максимум полутора месяцев, — неожиданно резко бросил Ласси.

Я лишь мысленно хмыкнул, пытаясь разгадать, что именно кроется за этой бравадой. При всем нашем желании, даже если мы будем гнать османов в шею и громить их в каждом столкновении, время будет играть против нас. Сто де-

сять тысяч солдат, кавалерия, пушки, бесконечные обозы — это неповоротливый левиафан, который будет ползти по грязи мучительно медленно. А нам ведь нужно было не просто дойти до Дуная — нам нужен был Константинополь.

Значит, требовался не марш, а молниеносный, сокрушающий удар прямо в сердце Османской империи. И не с одного направления, а как минимум с трех, чтобы турки захлебнулись в панике.

Я перевел взгляд.

— Светлейший, — тихо, но так, что услышали все, обратился я к Меншикову. — Ты в последнее время меня изрядно радуешь. Можно сказать, ты искупил свою вину кровью и потом, верным служением мне и Отечеству. Впрочем, именно поэтому к тебе и вернулись твои чины. Ну, или почти все. И дворец на Фонтанке я тебе отдал не из пустой прихоти.

— Ваше Императорское Величество… Я за то премного благодарен, — глухо отозвался Александр Данилович, склонив голову.

Он действительно пытался выстроить со мной новые отношения, без прежней фаворитской наглости. На недавней аудиенции Меншиков, чуть не плача, пустился в воспоминания о славных, кровавых делах юности, которые мы… вернее, настоящий Петр Великий, проворачивали бок о бок. И, признаться честно, дьявольское обаяние этого казнокрада работало. Он умел залезть под кожу, стать «своим в доску», тем самым рубахой-парнем, с которым хочется выпить чар-

ку, закусить луковицей и с ревом пойти в штыковую атаку.

Теперь я ясно видел, чем этот интриган приворожил настоящего Петра Великого. Дело было не только в умении поднести чарку вовремя, разделить ложе с девками или отчаянно броситься в сабельную рубку. Жизнь доказала страшную истину: брось Меншикова в самое пекло, дай невыполнимое поручение — и он вырвет победу, даже если придется шагать по трупам. Я и сам не ожидал, что кровавая авантюра в Средней Азии и прожженной солнцем Персии обернется таким триумфом. Но его бешеная решительность, звериный напор и щедро пролитое золото, помноженные на изворотливый ум старого лиса, ломали хребты целым народам, делая невозможное неизбежным.

Из памяти своей прошлой жизни я помнил: России тогда не хватило лишь вздоха, чтобы пройти этим же железным маршем. Если бы не преждевременная смерть Петра, хивинские пески неминуемо умылись бы кровью. Безнаказанное, подлое истязание отряда князя Бековича-Черкасского, чью отрезанную голову хан выставил на потеху толпе, требовало беспощадного возмездия.

И в моей реальности это возмездие грянуло громом. Сталь русских штыков переписала судьбу Востока. Если в другой истории обескровленные персы рухнули на колени перед Османской империей, то здесь всё пошло иным путем. Местная знать, жалкие тени великих правителей древности, уже готова была лечь под турок, отдав страну на растерзание.

Но тот единственный, кто мог бы восстановить их империю из руин, жестокий и свирепый Надир-шах, в этом времени отправился на суд Божий с перерезанным горлом задолго до того, как успел стать для нас угрозой.

— Ваше Императорское Величество... — глухой, вибрирующий от скрытого напряжения голос Меншикова разрезал тишину. — Мы можем ударить по османам с востока. Под моей рукой сейчас около ста тысяч воинов. Но... — Светлейший сделал паузу, его глаза хищно блеснули. — Это разношерстный сброд, а не то разящее лезвие, которым я привык побеждать. Если бы ваша милость повелела придать мне лишь одну регулярную дивизию, вооруженную нарезными штуцерами... клянусь, я бы вскрыл оборону турок, как гнилой орех. А прикажете — разверну полки на восход и дойду по трупам хоть до самого Пекина.

— И о китайцах забывать нельзя. Я все еще не знаю, как идут переговоры с ними. Мне нужен Амур! – жестко говорил я.

Глава 5

Петербург
21 ноября 1726 года

— В том, что ты способен пролить море крови, Светлейший, я не сомневаюсь, — холодно отозвался я, глядя ему в глаза. — Насчет дивизии... Обсуди это с Петром Петровичем. Если можно снять войска без оголения других фронтов...

Я намеренно выдержал паузу, наблюдая, как замер Меншиков, и жестко отрезал:

— Впрочем, нет, Александр Данилович. Не выйдет. Нам нужно держать Европу за горло. А на северо-западных рубежах Империи у нас сейчас непозволительно мало штыков, чтобы пугать этот «цивилизованный» гадюшник.

Слова упали, как камни, и по едва уловимому движению его плеч я всё понял. Старый стервятник Меншиков не так уж и нуждался в этой дивизии. Он брал «на испуг», бросал кости, проверяя, насколько крепок лед под его ногами и глубоко ли мое нынешнее благоволение. Ну или действовал по принципу: “Проси всегда больше, чтобы получить меньшее, но первоначально желаемое”.

Что же он хочет получить? Иметь возможность сказать мне: “А я справился и без дивизии, сам?” С него станет и

такими “дешевыми” методами пользоваться для того, чтобы я проникнулся и уже никуда больше его не отправлять.

Сил у него, как у главнокомандующего азиатскими ордами, хватало с избытком. Беда крылась в другом: чудовищный ресурс пожирали тлеющие угли гражданской резни в регионе.

Требовалось железом и кровью выдавить диких афганцев не только за пределы Великого Ирана — как теперь официально на картах значилась эта истерзанная земля, — но и зачистить наше приграничье. Я планировал отсечь и присоединить к Средней Азии часть афганских предгорий, где компактно оседали таджики. Но лезть дальше, в проклятые ущелья к пуштунам — увольте. Завязнуть на десятилетия в бессмысленной, перемалывающей полки партизанской войне на краю света — этого кошмара Россия не вынесет.

Нет, вынесет. Но оно нам надо? Что там взять можно? Дорогу в Индию? Так мы проложим ее по иранским землям. Сделаем оазисы — ямские станции. И все, караваны двинутся. Сомневаюсь, что спокойно можно будет торговать через афганские земли.

Однако, даже оставив заслоны, корпус для решения внутренних персидских вопросов, Светлейший мог бросить на турецкий фронт порядка семидесяти тысяч сабель, включая регулярные иранские части и беспощадных нукеров покойного Надира. Для удара в османское подбрюшье это была страшная, сокрушительная сила.

— Неприятель держит на своих восточных рубежах, преимущественно в районе Тебриза, не более тридцати пяти тысяч сабель и штыков, — мерным, тяжелым голосом продолжал докладывать Меншиков, словно передвигая фигуры на невидимой кровавой карте. — И в основе своей это даже не регулярное войско, а разрозненные гарнизонные части, измученные бесконечными стычками, ополчение. Еще тысяч двадцать пять враг способен наскрести по сусекам и собрать в единый кулак в течение трех-четырех месяцев. Но, как мы уже доподлинно выяснили, главная, ударная сила турок сейчас неумолимо стягивается на Европейский театр военных действий.

— Так или иначе, османский Левиафан надорвался, — жестко резюмировал я, опираясь кулаками о стол. — Ни в Европе, ни на Востоке турки сейчас физически не способны поддерживать мобилизационный ресурс на должном уровне, чтобы выдержать встречный удар нашей будущей кампании по всем фронтам. — Я медленно перевел взгляд на военного министра. — Учитывали ли эти агентурные данные офицеры Генерального штаба, когда чертили свои диспозиции?

Фельдмаршал Ласси тяжело поднялся. Прежде чем ответить, он бросил быстрый, оценивающий взгляд на Светлейшего.

— Так точно. Господин Меншиков оказывал Генеральному штабу всемерное содействие и предоставлял исчерпывающие сведения, — голос старого вояки звучал сухо, но твер-

до. — Считаю своим долгом отметить, Ваше Величество: Светлейший князь погружен в дело глубочайшим образом и крайне осведомлен о противнике.

Со стороны могло показаться, что эта скупая похвала Ласси сродни известной басне, где кукушка хвалит петуха — дескать, две политические фигуры просто поддерживают друг друга на скользком паркете власти. Но донесения моей тайной стражи подтверждали: Меншиков действительно рыл землю носом. Умеет, ох умеет эта коронованная шельма работать, когда его припрет к стенке, когда затылком он уже чувствует ледяное дыхание пропасти.

— Всё это отрадно, — я откинулся в кресле. — Но что нам прикажете делать с нашими «союзниками»? Вот ушел давеча господин Бестужев... А собственно... Позовите-ка его обратно!

Минуты не прошло, как в зал, едва скрывая торжествующий блеск в глазах, вошел вице-канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин и предстал пред мои светлые очи.

Глядя на его лицо, я вдруг с холодной ясностью осознал: только что я, пусть и невольно, сделал последний, фатальный шаг. Шаг, перечеркивающий судьбу Андрея Ивановича Остермана. Я оставил всесильного канцлера в соседней каморке строчить бумаги, словно жалкого писаря. А сюда, в святая святых, решать судьбы Европы выдернул его заместителя. Это был публичный политический приговор.

Воздух в зале заледенел, когда я повернул голову к главе

Тайной канцелярии. Стоял Бестужев, а я тут... Можно было ожидать, что сейчас арестуют его. Люди не дураки, а еще они в этом времени, как звери чуют, что с канцлером что-то не так...

— Господин Бестужев, участвуйте в нашем совещании. Нам периодически нужна будет справка о положении дел у наших союзников и соперников в Европе, – сказал я.

Словно бы коллективный выдох облегчения последовал.

— Господин Девиер, — мой голос звучал негромко, но в мертвой тишине он ударил, как набат. — Полагаю, тех бумаг, что уже собраны на Андрея Ивановича, более чем достаточно. Потрудитесь взять мой личный конвой... и арестуйте его. Прямо сейчас. Дальше будете действовать по обстоятельствам. Но заклинаю: не забывайте, что, обезглавив ведомство, нам предстоит дьявольски плотно работать по всей Европе.

Только выдохнули, как напряглись... И Девиер подобрался. Его лицо, еще хранившее следы моего недавнего срыва, превратилось в каменную маску.

— Не извольте сомневаться во мне, Ваше Императорское Величество. Исполню всё, о чем будет воля ваша, — глухо отозвался он. В этой безупречной канцелярской фразе отчетливо читалось иное: «Я прощаю тебя за то, что ты сломал мне кости. Моя преданность стоит дороже». Таков уж был нынче этот иносказательный, пропитанный ядом язык высшего света.

Я подождал, пока Девиер с гвардейцами покинет зал, унося с собой эпоху Остермана, затем обвел тяжелым взглядом оставшихся.

— Господа. Я собрал вас сегодня еще и для того, чтобы посмотреть каждому в глаза и спросить: а готовы ли вы? Готовы ли вы к тому, что быстрой виктории не случится? К тому, что нас ждет изнурительное, затяжное противостояние — такое же, каким стала для России двадцатилетняя Северная война со шведами?

Где-то в глубине души мелькнула горькая мысль: настоящий Петр Алексеевич, чье тело я донашивал в этом времени, не стал бы разводить политесы и спрашивать сановников, желают ли они войны. И хотя тот же Меншиков недавно клялся, пуская слезу, будто в прежние времена государь шага без его совета не делал... Врет, конечно, паршивец. Петр ломал через колено, не спрашивая дозволения.

Я жестко оперся о столешницу.

— Запомните: я не спрашиваю вашего дозволения! Решение начинать бойню принимать мне, и крест этот нести мне! Я спрашиваю лишь о том, хватит ли у вас духу. Готовы ли вы служить империи так истово, как не служили никогда прежде? Я требую, чтобы отныне русский сановник стал таким каторжником на галерах государственного дела, каких не видел ни один двор в мире! Ну а если кто чует, что жилы не выдержат... если понимаете, что сил больше нет — обиды не будет. Просто встаньте, соберите бумаги и уйдите со

своих постов. Сегодня же. Боле того, еще и пенсион назначу, чтобы ни в чем не нуждались на склоне лет.

Разумеется, никто прямо сейчас не встанет и не скажет: «Я устал, я ухожу». И не потому, что эти люди выкованы из стали и не ведают усталости. Скорее, обычная гордость, банальная гордыня и чиновное тщеславие не позволят им совершить подобное. Ведь двор немедленно сочтет это трусливым бегством от ответственности, а то и предательством Родины. И даже если я во всеуслышание объявлю, что дать им такую альтернативу — моя личная воля, шепотки за спиной не утихнут.

Да и сложно представить себе, чтобы после такого рода добровольной отставки, бывший чиновник был вхож в уважаемые столичные дома.

— Антон Мануилович, погоди, — окликнул я главу Тайной канцелярии, когда тот уже взялся за ручку двери, чтобы идти арестовывать Остермана. — Прежде чем уйдешь, поведай-ка нам, да без утайки: что нынче при дворе французского короля думают?

Девиер на миг замер, обернулся и посмотрел на присутствующих. И на меня бросил взгляд. Я по-своему считал, что он ждет отбоя приказа. Попугал и будет? Нет, таких, как Остерман пугать себе дороже. Он тогда найдет, как и куда ударить. Так что, нет. Суд, полная конфискация, на радость казначейству, абстракция и все с этим связанное.

А! Еще и назидание другим, чтобы не воровали.

— Ваше Императорское Величество… господа, — невозмутимо произнес Девиер. — Думают они следующее: коль скоро им удалось создать целый полк стрелков по примеру наших штуцерников, то то неоспоримое преимущество, коим мы обладали, ныне утрачено. По вопросу "воздушных бомб" не ведаем, но если и есть, то мало. А штуцерниками и новой пулей Ломоносова заинтересовались они. Так что воевать они будут, не убоятся. И воевать всерьез. Там нас, простите, "на место ставить будут".

Девиер, разумеется, недоговаривал. Самым «забавным» в этой истории было то, что большую часть тех передовых ружей, которые мы втихую продали туркам для победы над Габсбургами, ушлые французы умудрились перехватить и забрать себе у своих союзников. Если называть вещи своими именами, то украли.

Турки, впрочем, Габсбургов все равно побили. Забавно это. Вот только смеяться почему-то совершенно не хотелось. Наша блестящая тайная операция обернулась тем, что будущий, куда более опасный и организованный противник завладел одним из главных наших козырей. Впрочем, об этом фиаско не следовало знать никому, кроме узкого круга лиц, кому сие положено по долгу службы.

Я слушал начальника Тайной канцелярии и отчетливо понимал: пусть не сейчас, пусть через пару-тройку лет, но именно он способен стать для трона Российской империи чудовищной угрозой. Это лишь на первый взгляд кажется, что

у канцлера, вице-канцлера или армейских министров власти и значимости больше. На деле же этот крещеный португальский еврей плел свою паутину с мастерством истинного арахнида. Он виртуозно дергал за невидимые рычаги влияния, предпочитая не отсвечивать прилюдно.

«Надо бы как-то проверить самого проверяющего», — мелькнула холодная мысль.

Хотя, сколько я ни прокручивал в голове варианты, возможность предательства Девиера укладывалась в ней с трудом. У него попросту не было ни явных мотивов, ни веских причин идти против меня. Его власть и сама жизнь целиком зависели от моей милости.

Возможно, соблазны появятся теперь, с возвращением Меншикова. Но Светлейшему я давеча сказал прямо:

«Если ты хоть словом, хоть делом, хоть помыслом своим начнешь около меня интриги плести или снова воровать — так и знай, прощения больше не будет. На колу окажешься не только ты, но и всё твое семейство. Богом клянусь, я это сделаю». И он знал, что я не шучу.

Со стороны могло сложиться впечатление, что я до дрожи в коленях опасаюсь Александра Даниловича. Может, я и впрямь его переоцениваю, раз выстраиваю такие глухие бастионы? В конце концов, историческому Петру он был предан, как пес, а свою собственную игру начал вести лишь после смерти государя. Ну, или почти после... Меня-то в этом теле травили, и стрелял в меня именно человек Меншикова.

Но, черт возьми, этот негодяй только что принес мне на блюдечке с голубой каемочкой Среднюю Азию и Персию! А теперь вот еще и Китай обещает... И я, видит Бог, ума не приложу, как этот дьявол собирается это провернуть, но почему-то начинаю верить, что он сможет.

Обо всем этом я размышлял, пока Девиер водил нас по лабиринтам шпионских игр, щедро делясь добытой тайной информацией о хитросплетениях при европейских дворах. Какой герцог к какой партии примкнул, кто на чье наследство облизывается, какие фракции грызутся при Людовике и что вообще мнит о себе баварский курфюрст...

— Эка ты, Антон Мануилович, развернулся! — искренне поразился Меншиков. – Уже и цесарцев слушаешь? И французского короля!

— А ты как думал, Светлейший? Что мы тут без тебя щи лаптем хлебать будем? — усмехнулся в ответ Девиер, в последнее время ходивший по большей части хмурым.

Мелькнула мысль: не вздумают ли они возобновить свой прежний союз? Ведь когда-то Антон Мануилович ходил в верных людях Александра Даниловича. Правда, Девиер благоразумно не запятнал себя участием в заговоре Светлейшего — иначе этому португальскому еврею на русской службе ни за что не получить бы кресло начальника Тайной канцелярии.

— Мы, чай, в Персиях тоже не прохлаждались! — тут же бахвальски вскинулся Меншиков.

— А ну, замолкли оба! — рявкнул я грозным голосом. — А то одного на Аляску сошлю, а другого в Калифорнию моржей считать!

И хотя прозвучало это скорее в шутливой манере, и я при этом даже криво усмехался, оба сановника мгновенно захлопнули рты, превратившись в безмолвные изваяния.

— Ты, Антон Мануилович, о главном не сказал. Как нам обелить себя? И чья это работа? — вернул я разговор в нужное русло.

— Турки, Ваше Величество. Оттого я и весел сегодня, что неопровержимые доказательства тому у нас на руках, — с довольным видом доложил Девиер.

Я знал, что доказательства есть. И не сомневался, что сейчас они лежат у него за пазухой.

Турки провернули эту операцию блестяще. И быть бы нам по уши в грязи, если бы не одно письмецо, совершенно случайно перехваченное сербскими гайдуками... Воистину, Бог хранит Россию.

— Эти венские шельмы, наши так называемые союзнички, открыто обвиняют Россию в убийстве императора Карла! — фыркнул Девиер. — У девки, которая зарезала его, а потом полоснула себя по горлу, при обыске нашли русскую монету. Но и этого им показалось мало: в снятых ею апартаментах якобы обнаружили подробнейшие инструкции на русском языке! И под ними, не поверите, стояла моя личная подпись...

Я покачал головой. Буквально на днях мы получили гневную ноту с требованием объясниться. Примечательно, что дипломатические отношения Габсбурги не разорвали — хотя непременно сделали бы это, будь они до конца уверены в нашей причастности к цареубийству. Но в Вене сидят не идиоты. Разрывать союз с Россией сейчас, когда престол Священной Римской империи зашатался, было бы равносильно самоубийству. Провозглашение дочери покойного Карла VI, Марии Терезии, императрицей вызвало шквал возмущения и алчных притязаний не только среди внешних врагов, но и внутри самой империи.

Если в такой момент еще и Россия отвернется, неровен час, наступит тот самый исторический миг, когда соседи просто растащат лоскутную Священную Римскую империю по кускам.

— До чего дошло! Даже лежащий на смертном одре король Речи Посполитой, Август Второй Сильный, и тот набрался сил, приподнялся и заявил… — Девиер театрально развел руками, — что не бывать бабьему веку! Мол, негоже бабе править великой державой, и посему он, Август, сношаться с этой бабой не намерен!

— Да ладно! Чтобы старый блудник Август — и вдруг отказался сношаться хоть с какой-нибудь бабой? — не выдержав, вставил я, прекрасно обыгрывая двусмысленность дипломатического термина.

Шутка попала точно в цель. Напряжение в кабинете лоп-

нуло, и все присутствующие грохнули громким, заливистым смехом.

Я и сам не заметил, как это в высшей степени серьезное совещание, на котором, возможно, решалась судьба не только России, но и всей Европы, вдруг превратилось в веселые посиделки.

А если разобраться, смешного было мало. Этим дурацким выпадом — черт дернул за язык старого блудливого кобеля! — польский король практически определил место Речи Посполитой в будущей европейской коалиции. Выходило так, что поляки, весьма вероятно, выступят с оружием против нас.

Ладно бы еще Мария Терезия или другие дочери Карла были постарше, а то ведь совсем еще юные девицы, что усугубляло международную обстановку до предела.

Выходило, что лишь Россия может спасти Австрию от растерзания соседями. И я, признаться, всерьез раздумывал: а нужно ли мне вообще ее спасать?

— Бестужев! Есть что добавить? – спросил я.

— Ни в коем случае они нынче не расторгнут Союз. Австрийцев можно принудить будь к чему. Они и договор свой сепаратный разорвут быстро, если мы не скажем без иносказания, что будем с ними и в горе и радости.

— Для радости мы им не нужны... Начинайте демонстрировать нашу непреклонную волю и уверенность, — принял я окончательное решение, обведя взглядом присутствующих.

— Переводите войска ближе к западным границам. Готовьте провиантские магазины. Свозите всё нарочито открыто, гоняйте обозы с фуражом и припасами с места на место, чтобы у европейских шпионов сложилось четкое впечатление: мы разворачиваем армию никак не меньше двухсот тысяч штыков. Посмотрим, что предложат в ответ наши европейские «друзья».

Особой веры в то, что эти демонстративные действия вразумят противников, не было и в помине. Но я точно не хотел, чтобы наш экспедиционный корпус столкнулся на марше с уже развернутыми и готовыми к бою армиями пруссаков или французов.

Наши недруги будут вынуждены реагировать: спешно комплектовать полки и дивизии, выдвигать их на вероятные направления удара. А значит, они начнут надрывать экономику преждевременно. В таком разрезе война начнется задолго до того, как прогремят первые пушечные и ружейные залпы, ведь противник станет сжигать свои ресурсы и опустошать казну уже на этапе мобилизации. Про воровство и коррупцию в их интендантских ведомствах и говорить не приходилось — это подразумевалось по умолчанию.

— Все... решение мое не изменилось. Арестовать Остермана, Бестужеву забрать те бумаги, что должен был составить бывший канцер и предоставить мне, – жестко сказал я.

А ведь они уже почти были уверены, что я не собираюсь канцлера арестовывать. А тут... на самом деле, я ведь силь-

но теперь меняю ситуацию. Много людей, среднего звена чиновников, лично зависимы от Остермана. Теперь будут моими.

Вскоре в кабинет вернулся вице-канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин — человек, которого многие теперь сочтут главным претендентом на пост низложенного Остермана. Он с поклоном подал мне проект воззвания от моего имени к европейским дворам, а заодно и пачку других бумаг, включая подробные инструкции нашему послу в Вене. Успел сделать всё, что я требовал, и даже больше, мотаясь из одного помещения в другое.

— Я додиктовал бумаги писарям, ваше величество. Бывший канцлер не справился, – сказал Бестужев.

Гладко стелет, стервец.

Впрочем, интуиция подсказывала мне, что эти документы были заготовлены хитроумным Алексеем Петровичем загодя. И это отнюдь не умаляло его заслуг, а скорее наоборот — заставляло задуматься: а не ошибся ли я, когда мысленно уже почти отверг кандидатуру Бестужева на пост первого дипломата Империи?

Я принялся вчитываться в этот важнейший документ. С первых же строк он показался мне поистине эпохальным, фундаментальным трудом, способным определить внешнюю политику Российской империи в Европе на несколько десятилетий вперед, а то и на века.

Бестужев грамотно и изящно сформулировал главную

мысль: вопрос о том, кому занимать престол той или иной страны, подлежит исключительно мирному урегулированию и не может решаться путем бряцания оружием или давления извне. Каждая держава обязана свято чтить законы престолонаследия, принятые у ее соседей. Ну и так далее, всё в таком же возвышенном, но твердом духе, не оставляющем пространства для двойных толкований...

— А вот это весьма забавно, господин вице-канцлер... Не припомню, чтобы мы с вами всерьез обсуждали вопрос о создании специального европейского органа, который бы регулировал спорные моменты между державами.

— Ваше Императорское Величество, возможно, запамятовали, но мы говорили о такой возможности. Я видел, как у Вашего Величества горели глаза при мысли об осуществлении подобного замысла. Сейчас самое время заявить о таких намерениях. И хотя понятно, что пока не прольется кровь, никто на это не пойдет, но вот после того, как очевидным победителем из всей этой ужасающей войны выйдет Россия, мы сможем вновь продиктовать наши условия, — мягко, но уверенно ответил Бестужев.

А ведь я уже отправил людей Девиера, чтобы те начали обыскивать дом, тайные кабинеты и всевозможные места, где Остерман мог бы прятать свои бумаги. Впрочем, его тайники — возможно, не все, но многие из них — были прекрасно известны Тайной канцелярии.

Бестужев ради власти готов был пойти по головам. Тем

более по такой лысоватой голове, какая была у Андрея Ивановича — едва ли не единственного истинного профессионала в искусстве ношения громоздких париков, призванных скрыть печальное, далеко не волосатое положение дел на собственном темени.

— Всё, господа, на этом будем заканчивать, — жестко подытожил я. — Напоминаю о жесточайшем контроле: пройдитесь еще раз по всем важнейшим предприятиям, от которых зависит формирование новых полков, окончательное перевооружение нашей армии и снабжение. Враг уже знает о наших новинках и, скорее всего, имеет их в собственном арсенале, пусть пока и в штучном количестве. Мы обязаны их опережать — делать больше, быстрее и лучше.

Я перевел взгляд на арапа Петра Великого.

— Господин Ганнибал, вас я здесь больше не задерживаю. Согласуйте со мной свой график инспекционных поездок по казенным заводам. На Урал вам, пожалуй, ехать не стоит — туда я пошлю кого-то другого. Если отправитесь на уральские заводы, не поспеете вернуться к весне. А мне нужно, чтобы уже сегодня — ну, максимум через неделю-две! — под страхом ли каторги, или мотивируя мастеров щедрыми премиями, но производство штуцеров, разрывных бомб и всего прочего, что необходимо для нашей победы, многократно ускорилось.

ВНИМАНИЕ!

Не пропустите нашу новинку:

«Мы долго молча отступали…» Для него это были строки из стихотворения. Теперь — его реальность, его война. Офицер из 2026-го стал ефрейтором в 1812 году. https://author.today/reader/646727

Глава 6

Пограничье России и Китая. Южнее Нерчинска
30 ноября 1726 года

Савва Лукич Рагузинский-Владиславич улыбался во все свои двадцать девять уцелевших зубов. Улыбался широко, почти хищно — словно породистый донской жеребец, показывающий норов перед скачкой.

А вместе с тем опытный дипломат делал ровным счетом то, чего от него ждала чопорная китайская делегация. Он играл свою роль осознанно, театрально, с математической выверенностью не допуская ни малейшего переигрывания. Савва Лукич уже достаточно изучил сановников: вздумай он вести переговоры с той же ледяной строгостью и безэмоциональностью, с какой это пытались делать посланники Поднебесной, — этот диалог не состоялся бы и через десять лет.

Китайцам, ну или маньчжурам, с бритыми головами и длинными косами, в ярко-красных шелковых одеяниях, надетых поверх шуб, было жизненно необходимо чувствовать свое превосходство. Они жаждали быть абсолютно уверенными, что не просто раскусили русского посла, что прочитали его от первой до последней страницы и, как жестоко шутят в народе, «выстирали и высушили».

Рагузинский находился в Поднебесной уже полгода.

Шесть долгих, изматывающих месяцев к нему присматривались через сотни невидимых глаз, а он, стиснув зубы, был вынужден совершать именно те поступки, которых от него ждали. Иначе хрупкие мосты переговоров рухнули бы в небытие.

Он жил в Пекине, других городах. Но когда все же начались переговоры, почему-то китайцы решили проводить их на границе. Может это был намек на то, что почти семьдесят четыре года назад именно тут был подписан договор между Русским Царством и Поднебесной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.